

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ
ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ
ПРАВО ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО;
ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

УДК 347.21/347.451.03

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-57-66

**ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ КРИТЕРИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ,
ОГРАНИЧИВАЮЩЕГО СФЕРУ ДЕЙСТВИЯ МЕХАНИЗМА
ПРИБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ**

Аблятинова Н. А., Рогожин Н. В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В данной статье на основе анализа действующего гражданского законодательства, судебной практики и научной литературы исследуются некоторые проблемы толкования добросовестности, как реквизита необходимого для приобретения права собственности по давности владения. Авторы обращают внимание на ограниченность ситуаций, к которым может применяться правило о приобретательной давности, вследствие существующего официального нормативного разъяснения критерия добросовестности. В работе рассматривается последняя практика судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, которой была сформирована позиция по толкованию добросовестности, как представляется, противоречащая законному пониманию данного условия. В этой связи, разбираются некоторые жизненные ситуации, а именно завладение имуществом, путем вселения в пустующий брошенный дом, а также ситуация, когда сожитель (фактический супруг) становится самостоятельным владельцем имущества собственника. На этих примерах авторы показывают, как исследуемые в статье проблемы толкования критерия «доброй совести» в составе приобретательной давности влияют на формирования неоднозначной, и в ряде случаев, незаконной судебной практики.

Ключевые слова: приобретательная давность, критерий добросовестности, толкование добросовестности, фактический отказ от права собственности.

Вопросы категории добросовестности сегодня занимают одно из центральных мест в перечне актуальных проблем современного гражданского права. Проникнув в различные сферы гражданско-правовых отношений феномен «доброй совести» отразился и в конструкции приобретательной давности, известной еще со времен римского частного права. С этапа зарождения представлений о приобретательной давности и до сегодняшнего дня, правило о приобретении собственности по давности владения прошло определенную эволюцию в своем развитии, и, кроме того, дополнительное осмысление применительно к российскому правопорядку. К сожалению, назревшая в настоящее время проблема отсутствия единого и точного понимания критерия добросовестности на законодательном и правоприменительном уровне, оказывает самое негативное воздействие на развитие приобретательной

давности в нашей стране. Цель настоящей статьи состоит в исследовании проблемы толкования добросовестности, которое ограничивает сферу действия механизма приобретательной давности.

Согласно п. 1. ст. 234 ГК РФ смысл приобретательной давности заключается в том, что лицо – гражданин или юридическое лицо, – не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом, если иные срок и условия приобретения не предусмотрены данной статьей, в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество [1].

Официальное толкование критерия добросовестности было дано Пленумом ВС РФ и Пленумом ВАС РФ в пункте 15 Постановления от 29 апреля 2010 г. N 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», где разъясняется, что давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности [2].

Отсюда следует, что статью 234 ГК РФ (приобретательная давность) необходимо рассматривать в единстве со статьей 302 ГК РФ (истребование имущества от добросовестного приобретателя). Согласно последней статье имущество не может быть истребовано у добросовестного приобретателя (тот, кто приобрел у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать) только в том случае, если оно было передано по возмездной сделке и при этом выбыло из владения собственника по его воли. Тогда для недвижимости применяется, так называемая «моментальная» приобретательная давность, – имущество признается принадлежащим добросовестному приобретателю на праве собственности с момента государственной регистрации (п. 2 ст. 223 ГК РФ).

В остальных же случаях, когда имущество выбыло против воли собственника (например, похищено) или приобретено безвозмездно, оно может быть виндицировано. Именно в таких ситуациях, если собственник не истребовал вещь, для защиты добросовестного приобретателя может применяться правило о приобретательной давности. Исходя из этого, норма о приобретении собственности по давности владения действует только в случае добросовестного приобретения по сделке.

Представляется, что такое понимание критерия добросовестности значительно сужает круг жизненных ситуаций, к которым может быть применена норма о приобретательной давности. По мнению Скловского К.И., приходится все же признать, что перечисленные выше ситуации носят, скорее, умозрительный характер, а в целом практическое значение давностного приобретения оказывается небольшим. Ученый также считает, что есть основания обсудить расширение условия добросовестности для приобретения по давности. Так, наряду с тем пониманием добросовестности, которое изложено в п. 15 Постановления 10/22, оправданно и иное толкование доброй совести – добросовестным можно было бы считать такое поведение владельца, которое объективно не направлено против собственника, не содержит «неправды» [3].

С данной проблемой не раз сталкивалась Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ, когда необходимо было определить добросовестность лица,

требующего признания право собственности на долю в недвижимости в силу приобретательной давности, при этом являющегося собственником одной из долей (сособственником). Например, вследствие наследования, приватизации и пр. Нижестоящие суды, ссылаясь на п. 15 Постановления 10/22, признавали такое владение недобросовестным, поскольку сособственнику всегда заведомо известно об отсутствии основания возникновения у него права собственности. Однако Верховный суд справедливо посчитал данное владение добросовестным, и тем самым, в результате принятия ряда определений по схожим ситуациям [4, 5, 6], коллегией была сформулирована правовая позиция по толкованию добросовестности, однако, как видется, противоречащая разъяснению этого критерия, данному в Постановлении 10/22.

Так, в Определении СК по гражданским делам ВС РФ от 20 марта 2018 г. № 5-КГ18-3 детально интерпретируется критерий добросовестности, исходя из основного назначения нормы о приобретательной давности (возвращение фактически брошенного имущества в гражданский оборот, включая его надлежащее содержание, безопасное состояние, уплату налогов и т.п.). По мнению суда, добросовестность предполагает, что вступление во владение не было противоправным, совершено внешне правомерными действиями. Добросовестное заблуждение давностного владельца о наличии у него права собственности на данное имущество положениями статьи 234 ГК РФ не предусмотрено в качестве обязательного условия для возникновения права собственности в силу приобретательной давности. Напротив, столь длительное владение вещью, право на которую отсутствует, предполагает, что давностный владелец способен знать об отсутствии у него такого права, особенно в отношении недвижимого имущества, возникновение права на которое, по общему правилу, требует формального основания и регистрации в публичном реестре. Более того, само обращение в суд с иском о признании права в силу приобретательной давности является следствием осведомленности давностного владельца об отсутствии у него права собственности [4].

Стоит также обратить внимание на Определение СКГД ВС РФ по делу № 84-КГ20-1 от 10.03.2020 [7], суть которого заключается в том, что в 1999 году Шустов М.Г. и Габараева О.В. договорились о приобретении имущества последней, однако не успели заключить сделку ввиду смерти собственника. По утверждению истца, она с 1999 года добросовестно, открыто и непрерывно владеет этим домовладением как своим собственным, поскольку считает его родовым и желает сохранить, использует для проживания, произвела ремонт, обрабатывает приусадебный участок. Нижестоящие суды не признали данное владение добросовестным, с чем не согласилась коллегия ВС и отменила акты судов, направив дело на новое рассмотрение.

Итак, в части отраженных в приведенном определении ВС доводов, оно продолжило развитие позиции о том, что добросовестность в составе приобретательной давности (ст.234 ГК) отличается от добросовестности для целей статьи 302 ГК, что, соответственно, идет в разрез с толкованием, закрепленным в п. 15 Постановления 10/22. Примечательно также то, что фабула данного дела, в части оснований завладения имуществом, не связана с общей долевой собственностью, истец не успела заключить сделку, что дает основание для предположения о

нормативном толковании критерия добросовестности, содержащегося в определениях ВС (т.е. его распространение на все иные жизненные ситуации).

Как мы видим, смысл понятия добросовестности для конкретных ситуаций расширяется, и даже видоизменяется Верховным судом РФ. Здесь, надо отметить, что суды используют позицию коллегии ВС РФ для обоснования наличия реквизита добросовестности и при рассмотрении кардинально других случаев (некоторые будут рассмотрены далее). Вместе с тем, такое положение вещей не приводит к единообразию судебной практики, порождает явную противоречивость и непредсказуемость судебных решений.

Рассмотрим некоторые иные случаи, когда также остро встает вопрос о наличии или отсутствии критерия добросовестности. Достаточно распространенной в российских реалиях, и, как следствие, в судебной практике, является ситуация, когда лицо вселяется в пустующий дом (как дядя Федор из мультфильма «Простоквашино»). Нередко ситуацию данного героя моделируют как классический пример, когда возможно применение приобретательной давности. Вместе с тем, является ли владение такого лица добросовестным, в контексте п. 15 Постановления 10/22? Ведь понятно, что такой сквоттер знает об отсутствии основания возникновения у него права собственности, так как занимаемое им жилое помещение ему не принадлежит.

К сожалению, судебная практика дает противоречивые ответы на данный вопрос. Одни суды не считают такое владение добросовестным, ссылаясь в обоснование, прежде всего, на ст. 234 и 225 ГК РФ (приобретательная давность на бесхозные вещи) и п. 15 Постановления 10/22, в результате, отказывая в признании права собственности [8]. Другие, напротив, поддерживают давностного владельца фактически брошенного жилого помещения, часто цитируя ранее обозначенную позицию судебной коллегии ВС РФ. Например, в Решении Черноморского районного суда от 6 марта 2019 г. по делу № 2-206/2019 правомерность завладения суд обосновывает тем, в спорное жилое помещение истец вселилась не самоуправно, а с согласия органа местного самоуправления, компетентного принимать данные решения, в связи с тем, что спорное домовладение пустовало, при этом письменного разрешения на вселение в спорное домовладение истец не получала [9].

Еще более неоднозначной в практике судов, а потому заслуживающей отдельного внимания, является ситуация, когда лицо, проживающее вместе с собственником жилого помещения одной семьей без регистрации брака (сожителем), или его правопреемник, становится самостоятельным владельцем этого имущества (например, после смерти собственника). Подобные случаи определенным образом коррелируют с обстоятельствами «Дяди Федора», поскольку также возникает вопрос о возможности применения приобретательной давности для регулирования данных отношений, в связи с необходимостью присутствия критерия добросовестности.

Так, в Решении Нижнеингашского районного суда Красноярского края от 16 января 2019 г. по делу № 2-17/2019, суд определил владение сожителя добросовестным и удовлетворил исковые требования [10]. В то же время, Черноморский районный суд в Решении от 20.01.2020 по гражданскому делу № 2-55/2020 указал, что давностное владение истцом спорной квартирой нельзя признать добросовестным, поскольку истцу было известно о правообладателе

спорного имущества. Пользование истцом имуществом, несмотря на наличие длительности, непрерывности и открытости, не может служить основанием для признания права собственности в силу приобретательной давности [11].

Анализ судебной практики показывает, что если суды первой инстанции, по рассматриваемым случаям, еще вступают на защиту таких «давностных владельцев», то уже суды высших инстанций достаточно редко признают право собственности в силу приобретательной давности.

В качестве исключения интересным представляется Апелляционное определение Приморского краевого суда от 28 ноября 2018 г. по делу N 33-11450 [12]. Обстоятельства дела состояли в том, что после смерти брата истца осталось имущество в виде 1/2 доли домовладения. Истец проживал совместно с умершим братом в спорном жилом доме. Собственником дома являлся законный супруг А., с которой брат истца состоял в фактических брачных отношениях. Суды нижестоящих инстанций не нашли оснований для удовлетворения заявленных требований, сочли, что истцу было известно о том, что брат собственником спорного домовладения не являлся, следовательно, его владение не может расцениваться как добросовестное по смыслу ст. 234 ГК РФ. Не соглашаясь с выводами суда первой инстанции, коллегия прямо цитирует позицию ВС РФ, согласно которой осведомленность давностного владельца о наличии титульного собственника сама по себе не означает недобросовестности владения.

Кроме того, для правового обоснования наличия добросовестности владения (внешней правомерности завладения) у брата истца, а затем у самого истца (его правопреемника) суд применяет нормы жилищного законодательства РСФСР, действовавшие на момент вселения и регистрации истца в спорном жилом доме (ст. 127, ст. 53 ЖК РСФСР), а также п. 11 подп. «б» ПП ВС РФ N 14 от 02.07.2009 года «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РФ» и приходит к выводу, что брат истца был вселен как член семьи А., состоял с ней в фактических брачных отношениях, проживал совместно без регистрации брака, в связи с чем, в настоящей ситуации добросовестность предполагает, что вступление во владение имуществом не было противоправным и совершено внешне правомерными действиями.

Итак, исследование судебной практики демонстрирует, что необходимость наличия критерия добросовестности в составе приобретательной давности, в том понимании, которое представлено в Постановлении 10/22, зачастую не позволяет разрешать дела в интересах владельца, даже при наличии всех других условий, препятствуя возвращению имущества в гражданский оборот, образуя неопределенность в правоотношениях.

Сегодня в судебной практике параллельно существует еще одна вариация понимания реквизита «доброй совести», вытекающая из понятия «фактический отказ от права собственности». В соответствии со ст. 236 ГК РФ лицо может отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество, объявив об этом либо совершив другие действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество.

Из чего следует, что действующее законодательство, предусматривая возможность прекращения права собственности на то или иное имущество путем

совершения собственником действий, свидетельствующих о его отказе от принадлежащего ему права собственности, допускает возможность приобретения права собственности на это же имущество иным лицом в силу приобретательной давности [13].

Так, в уже обозначенном Определении СКГД ВС РФ от 10.03.2020 N 84-КГ20-1, суд отмечает, что для приобретения права собственности в силу приобретательной давности не является обязательным, чтобы собственник, в отличие от положений статьи 236 ГК РФ, совершил активные действия, свидетельствующие об отказе от собственности или объявил об этом. Достаточным является то, что титульный собственник в течение длительного времени устранился от владения вещью, не проявляет к ней интереса, не исполняет обязанностей по ее содержанию, вследствие чего вещь является фактически брошенной собственником [7].

В данном деле органы местного самоуправления с момента смерти собственника более 19 лет, в том числе и при рассмотрении судами настоящего дела, интереса к испрашиваемому истцом имуществу не проявляли, правопритязаний в отношении его не заявляли, обязанностей собственника этого имущества не исполняли.

Следовательно, фактический отказ публичного образования от собственности, в случае, если имущество является выморочным, или, соответственно, устранение частного собственника от владения, может обуславливать добросовестность давностного владельца. Полагаем, что при допущении возможности такого отказа от права собственности, с одной стороны, необходимо обеспечить возвращение имущества в гражданский оборот, а с другой, не нарушить основы субъективного права собственности. Нужно также понимать, что определения ВС не имеют обязательной юридической силы для нижестоящих судов, вследствие чего, состояние неопределенности судебной практики только усугубляется.

Вопросы толкования категории добросовестности, как условия, необходимого для приобретения права собственности по давности владения, всегда были в центре внимания научного юридического сообщества. Постоянно обсуждаются такие проблемы, как наличие различных подходов к пониманию добросовестности, соотношение её нравственной и правовой природы, субъективное и объективное значение, установление момента времени, когда должен наличествовать факт добросовестности [14] и др.

Интересно отметить, что по поводу вышерассмотренной последней практики ВС по приобретательной давности разразилась научная дискуссия. Так, Бевзенко Р.С. стоит на том, что такая практика вопиюще незаконна. В ГК РФ и Постановлении 10/22 заложена классическая приобретательная давность (приравнивание добросовестности по ст. 302 и ст. 234 ГК РФ). А практика ВС отражает по его образному утверждению «славянскую правовую традицию приобретательной давности» [15].

Точка зрения, например, Рыбалова А.О. по этому вопросу противоположна и заключается в том, что практика коллегии правомерна и ее необходимо распространить на другие случаи [16], т.е. признать толкование нормативным.

Вместе с тем, обе стороны соглашаются с тем, что позиция коллегии ВС противоречит разъяснению, данному в п. 15 Постановления 10/22.

В последнее время, в связи с разработкой проекта реформы вещного права, появлением некоторых новелл в российском Гражданском кодексе, активно обсуждаемым и на законодательном уровне стал тезис о необходимости изъятия критерия добросовестности из состава приобретательной давности. Так, согласно Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации от 7 октября 2009 г. следует отказаться от такого реквизита давностного владения, как добросовестность [17]. Небезынтересно, что данное предложение не было реализовано в ФЗ от 16.12.2019 N 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», хотя подобная инициатива имела место в законопроекте.

Все же, каким образом обеспечить единообразие судебной практики по применению нормы о приобретательной давности? На наш взгляд, позиция по толкованию добросовестности владения, сформулированная коллегией ВС, позволила справедливо разрешить соответствующие конкретные дела. Вместе с тем, фрагментарное решение проблемы всегда неизбежно приводит к образованию противоречивых, неоднозначных результатов.

В иностранных правопорядках, зачастую, приобретательная давность имеет двухступенчатый характер: укороченная приобретательная давность – для добросовестных владельцев, продолжительная – для недобросовестных. Согласимся с Скловским К.И., который пишет, что именно таким должно быть изменение института приобретательной давности: сокращение сроков для добросовестно приобретенных вещей и увеличение сроков приобретения для вещей, полученных недобросовестно, за исключением противозаконных владельцев (например, воров) [18]. К сожалению, у отечественного законодателя нет желания идти по этому пути.

Таким образом, одним из способов изменения толкования критерия добросовестности, которое сужает сферу применения приобретательной давности, может стать придание официального нормативного значения разъяснениям добросовестности, данным коллегией Верховного Суда РФ, путем комплексного преобразования юридических норм, регулирующих приобретение права собственности в силу давностного владения, а также правил понимания условия добросовестности, закрепленных в Постановлении 10/22. Это позволит применять, в том числе, к рассмотренным в статье ситуациям (завладение брошенным имуществом; в результате сожительства и др.) норму о приобретательной давности, обеспечив, тем самым, формирование столь необходимой на сегодняшний день единообразной, предсказуемой судебной практики.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ : текст на 16.12.2019 г. // «Собрание законодательства РФ». – [Офиц. изд.]. – 05.12.1994 г. – № 32. – Ст. 3301. – Текст : непосредственный.
2. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : Постановление Пленума Верховного Суда РФ

- № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 г. : текст на 23.06.2015 г. // Бюллетень ВС РФ, 2010. – № 7. – Текст : непосредственный.
3. Скловский, К. И. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав (постатейный) / К.И. Скловский. – М.: Статут, 2011. – 144 с. – Текст : непосредственный.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 марта 2018 г. – № 5-КГ18-3. – Текст: электронный // ЛегалАктс.ру : [сайт]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verhovnogo-suda-rf-ot-20032018-n-5-kg18-3/> (дата обращения: 25.02.2020 г.).
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 г. – № 78-КГ19-29. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=604083&dst=4294967295&date=22.05.2020> (дата обращения: 22.03.2020 г.).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.10.2019 г. – № 4-КГ19-55, 2-598/2018. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=604689&dst=4294967295&date=22.05.2020> (дата обращения: 17.03.2020 г.).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.03.2020 г. – № 84-КГ20-1. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=621093&dst=4294967295&date=21.05.2020> (дата обращения: 21.05.2020 г.).
8. Апелляционное определение № 33-1706/2014 от 13 мая 2014 г. Тверского областного суда по делу № 33-1706/2014. – Текст: электронный // СудАкт.ру : [сайт]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/btkqReqli8Un/> (дата обращения: 17.03.2020 г.).
9. Решение Черноморского районного суда № 2-206/2019 2-206/2019~М-92/2019 М-92/2019 от 6 марта 2019 г. по делу № 2-206/2019. – Текст: электронный // СудАкт.ру : [сайт]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/I3wiCcz19dgl/> (дата обращения: 17.03.2020 г.).
10. Решение Нижнеингашского районного суда Красноярского края от 16 января 2019 г. по делу № 2-17/2019. – Текст: электронный // СудАкт.ру : [сайт]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/SqxarGyWxoxp/> (дата обращения: 18.03.2020 г.).
11. Решение Черноморского районного суда от 20.01.2020 г. по гражданскому делу № 2-55/2020. – Текст: электронный // СудРФ.ру : [сайт]. – URL: <http://chernomorskiy.krm.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.02.2020 г.).
12. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 28 ноября 2018 г. по делу № 33-11450. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=121834#07291635486501507> (дата обращения: 15.02.2020 г.).
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.04.2017 г. № 87-КГ17-1. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=499527&dst=4294967295&date=22.05.2020> (дата обращения: 15.03.2020 г.).
14. Аблятипова, Н. А. Проблемы применения механизма приобретательной давности к бесхозным недвижимым вещам. Том 8. / Н.А. Аблятипова, А.А. Кравцова – Текст : непосредственный // Вопросы российского и международного права. – 2018. – № 4А. – С. 65–72.
15. Бевзенко, Р. С. Почему судьи гражданской коллегии верховного суда не знают законов своей страны? / Р.С. Бевзенко // Дело о приобретательной давности. – Текст: электронный // Закон.ру : [сайт]. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/25/pochemu_sudi_grazhdanskoj_kollegii_verhovnogo_suda_ne_znayut_zakono_v_svoej_strany__delo_o_priobretat (дата обращения: 15.02.2020 г.).
16. Рыбалов, А. О. О внешней правомерности завладения / А.О. Рыбалов. – Текст: электронный // Закон.ру : [сайт]. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/24/o_vneshnej_pravomernosti_zavladieniya (дата обращения: 15.02.2020 г.).

17. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации от 7 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 11. – Текст : непосредственный.
18. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве : учебное пособие для вузов / К. И. Скловский. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 1016 с. – Текст: электронный // Юрайт.ру : [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/449151/p.598> (дата обращения: 21.04.2020 г.).

Abyatipova N. A., Rogozhin N. V. Interpretation problem criterion of conference, limiting the scope of the mechanism acquisition// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 57-66.

Based on the analysis of the current civil law, judicial practice and scientific literature, this article explores some of the problems of interpreting good faith as the requisite for acquiring ownership by prescription. The authors draw attention to the limited situations to which the rule on acquisitive prescription may apply, due to the existing official regulatory clarification of the good faith criterion. The work examines the latest practice of the judicial board for civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation, which formed a position on the interpretation of good faith, which seems to contradict the legitimate understanding of this condition. In this regard, some situations of life are examined, namely, the seizure of property by moving into an empty abandoned house, as well as the situation when the cohabitant (actual spouse) becomes an independent owner of the property of the owner. Using these examples, the authors show how the problems of interpreting the criterion of “good conscience” as part of acquisitive prescription investigated in the article affect the formation of ambiguous, and in some cases, illegal judicial practice.

Keywords: acquisitive prescription, good faith criterion, interpretation of good faith, actual waiver of ownership.

Spisok literatury:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 16.12.2019) // "Collected Legislation of the Russian Federation", 05.12.1994, No. 32, art. 3301.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 22 dated 04.29.2010 (as amended on 06.23.2015) "On some issues arising in judicial practice when resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights" // Bulletin of the RF Armed Forces. 2010. No. 7.
3. Sklovsky K. I. Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 29, 2010. No. 10/22 "On some issues arising in judicial practice when resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights" (article by article). – М.: Statut, 2011. – 144 p.
4. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of March 20, 2018. No. 5-KG18-3. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20032018-n-5-kg18-3/> (date of access: 25.02.2020). – Text: electronic.
5. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.09.2019 No. 78-KG19-29. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=604083&dst=4294967295&date=22.05.2020> (date of access: 22.03.2020). – Text: electronic.
6. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.22.2019 No. 4-KG19-55, 2-598 / 2018. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=604689&dst=4294967295&date=22.05.2020> (date of access: 17.03.2020). – Text: electronic.
7. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.10.2020 No. 84-KG20-1. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=621093&dst=4294967295&date=21.05.2020> (date of access: 21.05.2020). – Text: electronic.
8. Appellate ruling No. 33-1706 / 2014 of May 13, 2014 of the Tver Regional Court in case No. 33-1706 / 2014. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/btkqReqIi8Un/> (date of access: 17.03.2020). – Text: electronic.

9. Decision of the Chernomorsky District Court No. 2-206 / 2019 2-206 / 2019~M-92/2019 M-92/2019 dated March 6, 2019 in case No. 2-206 / 2019. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/I3wiCcz19dgI/](http://sudact.ru/regular/doc/I3wiCcz19dgI/) (date of access: 17.03.2020). – Text: electronic.
10. Decision of the Nizhningashsky District Court of the Krasnoyarsk Territory dated January 16, 2019 in case No. 2-17 / 2019. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/SqxapGyWxoxp/](http://sudact.ru/regular/doc/SqxapGyWxoxp/) (date of access: 18.03.2020). – Text: electronic.
11. The decision of the Chernomorsky District Court of 20.01.2020 in the civil case No. 2-55 / 2020. – URL: <http://chernomorskiy.krm.sudrf.ru/> (date of access: 15.02.2020). – Text: electronic.
12. Appeal ruling of the Primorsky Regional Court of November 28, 2018 in case No. 33-11450. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=121834#07291635486501507> (date of access: 15.02.2020). – Text: electronic.
13. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.04.2017 No. 87-KG17-1. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=499527&dst=4294967295&date=22.05.2020> (date of access: 15.03.2020). – Text: electronic.
14. Ablyatipova N. A., Kravtsova A. A. Problems of applying the mechanism of acquisitive prescription to ownerless real estate // Issues of Russian and international law. 2018. Vol. 8. No. 4A. S. 65–72.
15. Bevzenko R. S. Why don't the judges of the civil collegium of the Supreme Court know the laws of their country? // The case of acquisitive prescription. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/25/pochemu_sudi_grazhdanskoj_kollegii_verhovnogo_suda_ne_znayut_zakono_v_svoej_strany__delo_o_priobretat (date of access: 15.02.2020). – Text: electronic.
16. Rybalov A. O. On the external legitimacy of the acquisition. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/24/o_vneshnej_pravomernosti_zavladeniya (date of access: 15.02.2020). – Text: electronic.
17. The concept of development of civil legislation of the Russian Federation dated October 7, 2009 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 11.
18. Sklovsky K. I. Property in civil law : a textbook for universities / K. I. Sklovsky. – 5th ed., Rev. and add. – Moscow: Yurait Publishing House, 2020. – 1016 pp. – URL: <https://urait.ru/bcode/449151/p.598> (date of access: 21.04.2020). – Text: electronic.